

И. С.
АКСАКОВ

Сочинения

Иван Сергеевич Аксаков

В чем сила России?

«„Стоит только русскому Императору отпустить себе бороду, и он непобедим“, – сказал гениально Наполеон, проникая мыслью из своего лонгвудского уединения в тайны исторической жизни народов, – еще темные, еще не раскрывшиеся в то время сознанию просвещенного мира. Едва ли нужно объяснять, что под символом „бороды“ разумеется здесь образ и подобие русского народа, в значении его духовной и нравственной исторической личности. Другими словами: пусть только русское государство проникнется вполне духом русской народности и оно получит силу жизни неодолимую и ту крепость внутреннюю, которой не сломить извне никакому натиску ополчившегося Запада...»

Иван Сергеевич Аксаков

В чем сила России?

«Стоит только русскому Императору отпустить себе бороду, и он непобедим», – сказал гениально Наполеон, проникая мыслью из своего лонгвудского уединения в тайны исторической жизни народов, – еще темные, еще не раскрывшиеся в то время сознанию просвещенного мира. Едва ли нужно объяснять, что под символом «бороды» разумеется здесь образ и подобие русского народа, в значении его духовной и нравственной исторической личности. Другими словами: пусть только русское государство проникнется вполне духом русской народности и оно получит силу жизни неодолимую и ту крепость внутреннюю, которой не сломить извне никакому натиску ополчившегося Запада.

Полезно припомнить это слово Наполеона I ввиду загадочных действий Наполеона III, как будто готовящих нам войну и ополчающих на нас снова весь Запад. Неужели племянник забыл слово дяди, – он, не оставивший праздным, обновивший в своем сознании всякое изречение, всякую мысль этого, по выражению русского поэта, «огромного

человека, расточителя славы»? Чем объясним мы теперь такую азартную игру французской дипломатии в вопросе о Польше? За кого принимает император французов Россию, что не боится своим вмешательством, своими предложениями вызвать в ней именно ту силу, которую разумел первый император, обсуживая, после 1815 года, исторические судьбы России? Думает ли Наполеон III, что Россия уступит? Но чем же заслужили мы такое презрительное мнение о нас и разве мы не те, что были в 1812 году и в тот период времени, когда Наполеон I томился на острове Св. Елены, под стражею океана?

Нельзя и думать, чтоб Людовик-Наполеон забыл изречение родоначальника Наполеонидов, – и остается предположить, что он в словах дяди о России видит только одно указание: чем бы должна была быть Россия, но чего однако в действительности, по мнению Наполеона III, она вовсе не представляет. Он ошибается; он не видит, что возможность приблизиться к источнику силы всегда при нас и с нами; он не подозревает, что мы несравненно ближе теперь к этому источни-

ку, чем были 50 и 45 лет тому назад, что этот засоренный всяким мусором, свезенным с заднего двора Европы, источник начинает наконец нами расчищаться. То, что составляет наше действительное могущество, то остается до сих пор невидимым и неведомым Западу; то, напротив, что он видит и ведает, что способен понимать и ценить, что только и может назваться могуществом с его точки зрения, то, без всякого сомнения, представляется ему слабее его собственного могущества. Только эту ложную оценкой нашей настоящей, кровной силы и можно объяснить ту слепую самоуверенность западных держав, с которою они предприняли свой дипломатический поход на Россию. Частные сведения, полученные нами из Парижа и помещаемые нами ниже, в этом же номере, подтверждают такое предположение: как лет 10 тому назад существовало в Европе преувеличенное понятие о нашем внешнем могуществе, так и теперь господствует там не только преувеличенное, но совершенно ошибочное понятие о нашем будто бы государственном бессилии: доказательством может служить также фран-

цузская статья о нашем войске («*improvis-sance militaire*»), вызвавшая ответ русского инвалида. Впрочем, ошибка Европы не в этом: ее выводы, пожалуй, и верны и согласны с ее логической посылкой на внешние признаки могущества и силы; ошибка в том, что эти условные признаки нисколько не выражают истинной меры нашего могущества. Постараемся стать на точку зрения Европы – Людовика-Наполеона, например, и посмотреть на Россию его глазами: как и чем представляется ему Россия?

Ему, как и всей Европе, Россия известна только своею европейски принаряженною стороною, только в европейском костюме, надетом на нее Петром I; костюм, или мундир был щеголеват, пояс перетягивал ее стан в рюмочку, и она в глазах европейцев представлялась статным и красивым молодцом; но мы все хорошо понимали и чувствовали, что этот мундир был тесен и узок, члены отекали кровью, движения были несвободны и вялы. Этот мундир наконец стал лопаться по швам, а наконец позволено было и правительством расстегнуть его на все пуговицы:

мы вздохнули легче и вольнее, мы возвратили себе свободу движений и гибкость членов, — но очень может быть, что этот расстегнутый и лопнувший кое-где мундир представляется и не совсем красивым для европейского глаза, кажется ему признаком какой-то распущенности и дряблости. Чтоб не вводить его в смущение и соблазн, следовало бы и совсем отказаться от мундира и надеть свое русское платье. Это сравнение с мундиром довольно наглядно поясняет нашу мысль. Европа знает Россию только со стороны государственной и воображает, что она создана Петром, существует единственно как мысль и дело Петра. Петербург называют окошком, прорубленным из России в Европу; действительно, только в это окошко и сквозь это окошко и глядит Европа на Россию, а потому и судит о России только по Петербургу. Она убеждена, что могучая Империя, которой она так долго и неутомимо боялась, жила только благодаря своему могучему бюрократическому механизму и своим внешним материальным средствам. В благонадежность этих внешних средств она в первый раз пере-

стала верить со времени Восточной войны и, замечая теперь некоторое расстройство в бюрократическом механизме, льстит себя приятной надеждой, что все силы Империи, крепость и связь частей ее, окончательно подорваны: она не может понять, что это расстройство для нас спасительно, совершается вполне сознательно и свидетельствует о стремлении не только России, но и правительства заменить механизм прежней немецкой администрации естественною свободою органических, до сих пор стесненных отправлений.

Европа видела только могучую централизацию, какое-то наружное, отвлеченное, государственное единство, и не подозревала присутствия повсеместной, не государственной, а бытовой жизни, которою Россия есть, живет и движется, она не понимала, как глубоко вкоренено в русском народе сознание единства и целостности русской земли, какая исполинская сила лежит в этой возможности ощущать и чувствовать себя пятидесятиmillionным братством!..

От взора Европы укрывалось до сих пор,

что только подкладка, так сказать, внутренней органической силы давала движение и силу петровскому государственному механизму, что только Русью жила и держалась Российская Империя, несмотря на все преграды, положенные органическому развитию Руси безусловным господством западной цивилизации, отступничеством русского общества от русской народности и вообще немецкими мастерами и подмастерьями государственных дел. От взаимного отношения народной Руси и официальной России зависит мера истинной, а не мнимой силы русского государства. Когда мы были сильны в смысле западном, — мы были слабы в нашем народном, русском смысле, и эта слабость не замедлила обнаружиться в Восточную войну. Мы возвращаемся теперь к источнику силы и являемся слабыми в глазах европейцев! Это понятно. Нам остается им показать — какова наша настоящая, не мишурная сила.

Но, может быть, возразят нам, Запад и не сомневается в истине изречения Наполеона I, но он убежден, что Петровская реформа уже навеки оторвала нас от источника жизни и

крепости, что иссяк этот источник, что подсох корень могучего дерева. Может быть, и действительно Запад рассчитывает так: «что мы, русские, уже неспособны к возрождению в смысле народном, что в России существует только одна официальная, так сказать, казенная Россия и народная Русь давно заглохла, а с официальной Россией ему не трудно будет справиться; что Россия 1812 года, внушившая Наполеону слова, приведенные выше, была цельнее России 1863 г., представляющей заметное разложение своих общественных элементов, которого не было прежде». И в самом деле количество штыков у нас теперь меньше, чем было десять лет тому назад, курс на наши деньги стоит ниже, бумажных денег больше, а положение дел в Варшаве должно представляться человечку, совершившему переворот 2 декабря, явлением или непонятным, или же понятным только как симптом, как признак вполне благоприятный для всякого постороннего вмешательства во внутренние дела России; как залог, наконец, нашей неременной уступки всякому строгому и соединенному требованию Западной Евро-

пы. При таких *внешних признаках* нашего могущества, почему же и не предъявить таких требований? Россия на войну не пойдет, рассуждают европейцы, а если и пойдет, так 1812 год теперь не возобновится: «она слишком объевропеилась, чтоб проявить суровую, „варварскую“ энергию той эпохи, ее правительство никогда не решится опереться на народные массы, ее государственные принципы слишком резко противоречат началам русской народности, ее государственные люди никогда не отважатся и неспособны даже прибегнуть к мере, указываемой Наполеоном I, – и это противоречие, разлад и недоразумение между народом и государством помогут одержать нам легкую над Россией победу».

Так рассуждают иностранцы, таково общественное мнение об нас всей Европы, таково, вероятно, мнение и Людовика-Наполеона и министров британской королевы!

Но они ошибаются! Мы верим, что только разочарование принесет им война, если она состоится, а едва ли она может не состояться при таком взгляде на нас Европы; да и нам,

кажется, не остается другого средства, чтобы разбить ее ложные надежды, сокрушить ее корыстные расчеты, добиться вновь подобающего нам почета, и отвадить ее от охоты вмешиваться в наши внутренние дела. Мы должны явить миру, что Русь жива и существует, что внешние признаки слабости и разложения суть признаки нашего внутреннего перерождения; что, наконец, то, что в 12-м году являлось только эпизодически плодом сверхъестественного напряжения народного духа, пробивавшегося сквозь толстую кору казенности и тупости русского общественного сознания, то, надеемся мы, скоро станет нормальным ходом русской народной и государственной жизни. Нам предстоит доказать, что наши общественные недуги только накожные наросты, или вернее сыпь, освобождающая организм от внутренней болезни и свидетельствующая о выздоровлении: пусть только не вгоняют ее внутрь насильственными репрессивными мерами, и поспособят ей высыпаться свободно... Европа должна будет убедиться, что имеет дело не с государством только, но со всем русским народом и что

польский вопрос есть именно вопрос не правительственный, а всей русской земли, что, наконец, не латинским и немецким стихиям разрешить этот вопрос и умирить Польшу: этот вопрос может быть разрешен и Польша умирена только свободным воздействием на поляков и на нас самих духовных и органических сил русского народа, без всякого постороннего вмешательства, нашею собственною властью и соизволением!

Европа не может понять, но ей придется понять, что Петровская реформа, задержавшая на время внутреннюю жизнь народного организма, оказала ту историческую заслугу России, что вызвала к деятельности народное самосознание, просветила мысль наши бытовые и непосредственные силы, заставила понять и уразуметь духовную сущность наших народных начал, оценить, наконец, по достоинству пригодность и пользу того могущества, порядка и благоустройства, на которые потрачено было столько сил и которыми думали у нас во время оно гордиться! Мы прозрели. Вне народа и народности не спасут нас никакие системы самой лучшей немецкой от-

делки, никакие штуцера бельгийской работы и пушки английского изобретения, никакие советы, примеры и приемы действий французского императора – никакие дипломатические союзы: мы сами должны быть *с собою в союзе*, а этот союз для нас возможен только тогда, когда мы вполне отречемся от русских преданий Петербургского периода нашей истории. В этом единственно залог нашей победы и успеха.

Мы, может быть, накануне войны; вспомним же и мы, сами для себя, изречение Наполеона: «стоит русскому Государю отпустить себе бороду, и он непобедим...».